

В Е С Т Н И К ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

№ 1 ■ 2026 ■ Том 16

Главный редактор

Д.Х. ВАЛЕЕВ

(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия)

Зам. главного редактора

М.В. ФЕТЮХИН

(Адвокатская палата Республики Татарстан, Россия)

Ответственный секретарь

М.Р. ЗАГИДУЛЛИН

(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия)

Редакционный совет

С.Ф. АФАНАСЬЕВ (Саратовская государственная юридическая академия, Россия);
Е.А. БОРИСОВА (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия);
Е.В. ВЕРШИННИНА (Московский государственный институт международных отношений (университет), Россия);
Н.А. ГРОМОШИНА (Московский государственный юридический университет, Россия);
О.В. ИСАЕНКОВА (Саратовская государственная юридическая академия, Россия);
П.В. КРАШЕНИННИКОВ (Государственная Дума РФ, Россия);
Е.В. КУДРЯВЦЕВА (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия);
Д.Я. МАЛЕШИН (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия);
Л.А. НОВОСЕЛОВА (Суд по интеллектуальным правам, Россия);
Е.И. НОСЫРЕВА (Воронежский государственный университет, Россия);
И.В. РЕШЕТНИКОВА (Председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке, Россия);
Т.В. САХНОВА (Сибирский федеральный университет, Россия);
Ю.В. ТАИ (Московский государственный институт международных отношений (университет), Россия);
Я. ТУРЛУКОВСКИ (Варшавский университет, Польша);
Д.Б. ФЕРРЕЙРА (Revista Brasileira de Alternative Dispute Resolution, Бразилия);
В.М. ШЕРСТЮК (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия);
В.В. ЯРКОВ (Уральский государственный юридический университет, Россия)

Издатель: ООО «Издательский дом В. Ема»

119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2.

Тел.: +7 (495) 649 18 06; www.civpro.org

Журнал «Вестник гражданского процесса» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата юридических наук.

Редакционная коллегия

Н.С. БОЧАРОВА (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия);
В.Г. ГОЛУБЦОВ (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия);
Д.Н. ГОРШУНОВ (Второй кассационный суд общей юрисдикции, Россия);
В.Ю. ГУСЯКОВ (Севастопольский государственный университет, Россия);
С.Л. ДЕГТЯРЕВ (Уральский государственный юридический университет, Россия);
М.О. ДЬЯКОНОВА (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Россия);
С.К. ЗАГАЙНОВА (Уральский государственный юридический университет, Россия);
О.В. ЗАЙЦЕВ (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия);
А.Н. КУЗБАГАРОВ (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Россия);
Д.Е. МЕДВЕДЕВ (ПАО «ТАТНЕФТЬ»);
Е.Г. СТРЕЛЬЦОВА (Московский государственный юридический университет, Россия);
А.Р. СУЛТАНОВ («Пепеляев Групп», Россия);
Л.А. ТЕРЕХОВА (Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия);
Д.А. ТУМАНОВ (Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Россия);
Р.В. ШАКИРЬЯНОВ (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия);
М.З. ШВАРЦ (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия);
А.В. ЮДИН (Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Россия)

Помощник главного редактора Ю.М. Насырова
Выпускающий редактор О.В. Виноградова
Редактор английских текстов Н.И. Самойлова (Университет Эдинбурга, Шотландия); переводчик К.Р. Хабипова
Дизайн и верстка: ИП Резниченко А.С.
Интернет-поддержка: Л.Д. Валева
Отдел подписки: mvdp@mvdp.org

Журнал «Вестник гражданского процесса» выходит три раза в полугодие. «Вестник гражданского процесса» зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Рег. № ФС77-47144 от 03 ноября 2011 г. ISSN 2226-0781 (Print) ISSN 2686-942X (Online)

Журнал «Вестник гражданского процесса» индексируется в Российском индексе национального цитирования (Россия), Ulrich's periodicals directory (Нью-Джерси, США), а также в RSCI Web of Science (Нью-Йорк, США).

Переписка материалов из журнала «Вестник гражданского процесса» допускается только с согласия Издателя. Ссылка на источник опубликования обязательна. Издатель или Редакция не дают справок и консультаций и не вступают в переписку. Рукописи не возвращаются. Учредитель, Издатель не несут ответственности за содержание рекламы и объявлений.

Мнения, высказываемые в публикациях авторов, не обязательно отражают официальную точку зрения организаций, которые они представляют.

HERALD OF CIVIL PROCEDURE

No 1 ■ 2026 ■ Volume 16

Editor-in-Chief

VALEEV, D.Kh.
(Kazan (Volga region) Federal University, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

FETYUKHIN, M.V.
(Bar Association of the Republic of Tatarstan, Russia)

Executive Secretary

ZAGIDULLIN, M.R.
(Kazan (Volga region) Federal University, Russia)

Editorial Council

AFANASIEV, S.F. (Saratov State Law Academy, Russia);
BORISOVA, E.A. (Lomonosov Moscow State University,
Russia); GROMOSHINA, N.A. (Kutafin Moscow State
Law University, Russia); ISAENKOVA, O.V. (Saratov
State Law Academy, Russia); FERREIRA, D.B. (Revista
Brasileira de Alternative Dispute Resolution, Brazil);
KRASHENINNIKOV, P.V. (State Duma of the Russian
Federation, Russia); KUDRYAVTSEVA, E.V.
(Lomonosov Moscow State University, Russia);
MALESHIN, D.Ya. (Saint Petersburg State University,
Russia); NOVOSELOVA, L.A. (Intellectual Property Rights
Court, Russia); NOSYREVA, E.I. (Voronezh State University,
Russia); RESHETNIKOVA, I.V. (Retired Chairman
of the Arbitration Court of the Urals District, Russia);
SAKHNOVA, T.V. (Siberian Federal University, Russia);
SHERSTYUK, V.M. (Lomonosov Moscow State University,
Russia); AI Yu.V. (Moscow State Institute of International
Relations (University), Russia); TURLUKOVSKI Ya.
(University of Warsaw, Poland); VERSHININA, E.V.
(Moscow State Institute of International Relations
(University), Russia); YARKOV, V.V. (Ural State Law
University, Russia)

Opinions expressed in the contributions are those
of the authors and do not necessarily reflect
the official view of the organizations they are affiliated
with or this publication.

The journal «Herald of Civil Procedure» is published three
times in a half of the year. «Herald of Civil Procedure»
registered by the Federal service for supervision
of legislation in mass communications and cultural
heritage protection.

Reg. No. FS77-47144 from 03 November 2011

ISSN 2226-0781 (Print) ISSN 2686-942X (Online)

Editorial Board

BOCHAROVA, N.S. (Lomonosov Moscow State University,
Russia); DEGTAREV, S.L. (Ural State Law University, Russia);
DIAKONOVA, M.O. (Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian Federation,
Russia); GOLUBTZOV, V.G. (Perm State National Research
University, Russia); GORSHUNOV, D.N. (Second Cassation
Court of General Jurisdiction, Russia); GUSYAKOV, V.Yu.
(Sevastopol State University, Russia); KUZBAGAROV, A.N.
(St. Petersburg Law Institute (Branch) of University of the
Prosecutor's Office of the Russian Federation, Russia);
MEDVEDEV, D.E. (PJSC TATNEFT); PAVLUSHINA, A.A.
(Samara State Economic University, Russia); SCHWARTZ, M.Z.
(Saint Petersburg State University, Russia); SHAKIRYANOV, R.V.
(Kazan (Volga region) Federal University, Russia);
STRELTSOVA, E.G. (Kutafin Moscow State Law University,
Russia); SULTANOV, A.R. (Pepeliaev Group, Russia);
TEREKHOVA, L.A. (Omsk State University by F.M. Dostoevsky,
Russia); TUMANOV, D.A. (All-Russian Academy of Foreign
Trade of the Ministry of Economic Development of the
Russian Federation, Russia); YUDIN, A.V. (Samara National
Research University named after academician S.P. Korolev,
Russia); ZAGAINOVA, S.K. (Ural State Law University, Russia);
ZAITSEV, O.V. (Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Russia)

Assistant to the Editor-in-Chief: Nasyrova, Yu.M.

Managing Editor: Vinogradova, O.V.

English Text Editor: Samoilova, N.I. (University

of Edinburgh, Scotland)

Translator: Khabipova K.R.

Design and Layout: Reznichenko, A.S.

Internet Support: Valeeva, L.D.

Subscription Department: mvpgp@mvpgp.org

Publisher: LLC «V. Em Publishing House»

119454, Moscow, Lobachevskogo st., 92, building 2.

Phone: +7 (495) 649 18 06; www.civpro.org

The journal «Herald of Civil Procedure» is indexed
in the Russian national index of citing (Russia), Ulrich's
periodicals directory (New Jersey, USA), and RSCI
Web of Science (NY, USA).

The reprint of materials of the journal «Herald of Civil
Procedure» is allowed only with the consent of the
Publisher. Link to the source publication is obligatory.
The Publisher or the Editor's office does not render
information and consultations and does not inreaching
in correspondence. Manuscripts are not returned.
The Founder, the Publisher is not responsible for the
content of advertisements and announcements.

The journal «Herald of Civil Procedure» is included into the
official governmental List of leading peer-reviewed
scientific periodicals (Russia)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогие читатели!

Представляю вам первый номер журнала «Вестник гражданского процесса» за 2026 г. Этот выпуск продолжает традицию выпуска специальных номеров, заложенную редакцией журнала совместно с коллегами. Данный номер посвящен итогам XII Ежегодного симпозиума журнала «Вестник гражданского процесса», который состоялся 3–4 октября 2025 г. на базе Татарского государственного академического театра им. Галиасгара Камала в рамках IV Казанского международного юридического форума.

Выпуск журнала открывает работа доктора юридических наук, профессора, заведующей кафедрой гражданского процесса Сибирского федерального университета Татьяны Владимировны Сахновой на тему «Примирительные процедуры в контексте цивилистического процесса (*ex meditatione collecta*)». В статье отстается взгляд на примирительные процедуры как проявление частноправового метода процесса; несудебные примирительные процедуры рассматриваются как контекстуальное пространство цивилистического процесса, находящееся за пределами легального процедурного регулирования, но отражающего в себе «в снятом виде» процедурность как имманентное свойство цивилистического процесса. Несудебные примирительные процедуры вполне могут существовать как фактическое явление, не требующее законодательного установления регламента. Примирительные процедуры как контекстуальное пространство цивилистического процесса – общая идеология и методология, единственно эффективные, по мнению автора, *de lege ferenda* для любых примирительных процедур как обусловленные онтологией цивилистического процесса и выражающие общую парадигмальную закономерность его исторической эволюции.

Далее следует статья доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева Марины Анатольевны Фокиной на тему «Сотрудничество в современном гражданском судопроизводстве и примирительных процедурах». В данной статье анализируются вопросы процессуального взаимодействия судебных и несудебных процедур при осуществлении примирительной деятельности. Автор приходит к выводу, что сотрудничество является основным типом взаимодействия субъектов примирительной деятельности. Выявляются приоритетные направления сотрудничества в моделях частной и интегрированной медиации, переговорах, обращении к судебному посреднику.

Завершает раздел статья под названием «Принуждение к миру: есть ли стимулы к примирению в исполнительном производстве?», подготовленная доктором юридических наук, профессором Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессором Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, членом научно-консультативного совета при ФССП России Михаилом Львовичем Гальпериным. В работе анализируются экономические и правовые факторы, влияющие на готовность сторон исполнительного производства на практике заключать мировые соглашения. Автор констатирует, что усилия законодателя по расширению форм примирения в судопроизводстве, в том числе в стадии принудительного исполнения, пока не увенчались успехом в связи с сохраняющимся узким пониманием предметных границ мировых соглашений, существующим регулированием исполнительского сбора, расходов в исполнительном производстве, а также отсутствием налоговых стимулов прощения взыскателем части задолженности мировым соглашением с должником.

Продолжает текущий выпуск журнала раздел «Гражданский процесс в комментариях», который включает в себя труд, представленный доктором юридических наук, профессором, профессором кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации Асхатом Назаргалиевичем Кузбагаровым, под названием «Соотношение юридических фактов, образованных примирением сторон конфликта частноправового характера, с последующим их поведением». Проблема соотношения юридических фактов, закрепленных в мировом соглашении, с последующим поведением сторон конфликта приобретает особую актуальность в условиях, когда примирение достигнуто в связи с разрешением одного спора, но его условия могут оказывать влияние на ход разрешения других, связанных с ними, дел. В статье проведен анализ указанных тезисов на основе существующего корпоративного конфликта акционеров. В заключение автором сформулирован ряд выводов и предложены критерии оценки соответствия последующего поведения условиям мирового соглашения, которые должны способствовать развитию последовательной и справедливой практики применения норм о мировых соглашениях. Однако реализация этих критериев требует дальнейшей работы судебной системы, законодателя и научного сообщества.

Далее следует статья кандидата исторических наук, доцента кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета Гузель Анваровны Валеевой. В работе на тему «О концепциях позитивной процессуальной ответственности» обосновывается самостоятельность процессуальной ответственности в существующей системе юридической ответственности. Анализируются концепции позитивной процессуальной ответственности, отождествляющие ее с процессуальной обязанностью, процессуально правомерным поведением, чувством процессуального долга. Доказывается, что

позитивная процессуальная ответственность – это комплексное явление, не сводимое ни к одному из перечисленных понятий. Проводится типология концепций позитивной процессуальной ответственности и обосновывается ее юридическая природа.

В разделе «История гражданского процесса» представлена работа доктора юридических наук, профессора, заведующей кафедрой гражданского права и процесса Воронежского государственного университета Елены Ивановны Носыревой на тему «Альтернативное разрешение споров как система правовых институтов». Статья посвящена анализу современного состояния альтернативного разрешения споров (АРС) с точки зрения системного подхода. Дается оценка развития АРС по трем направлениям: законодательство, теория и практика. Обосновывается, что в России сформировались основные правовые институты АРС: досудебное урегулирование споров, медиация и арбитраж, которые в свою очередь включают субинституты. Выявлены и показаны на конкретных примерах альтернативных процедур такие признаки системы АРС, как наличие элементов и их внутреннее взаимодействие между собой и с внешней средой, целостность, функциональность, динамизм системы. На основе рассмотренных признаков делается вывод о том, что в России к настоящему моменту сложилась в целом работающая, гибкая и подвижная система АРС, способная реагировать на потребности участников гражданского оборота в наиболее эффективном урегулировании и разрешении споров.

Продолжает раздел статья доктора юридических наук, профессора кафедры гражданского и административного судопроизводства им. М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) Елены Геннадиевны Стрельцовой на тему «Защита слабой стороны в АРС-процедурах». В статье исследуется проблема защиты слабой стороны в альтернативных процедурах разрешения споров (АРС) в сопоставлении с судебным порядком защиты права. Историческое развитие гражданского процесса было направлено на преодоление формального равенства сторон и обеспечение фактического равноправия за счет институциональных механизмов поддержки слабой стороны. Особое внимание уделено эволюции понятия «слабая сторона» в российской судебной практике, его материально-правовому и процессуальному измерениям, а также роли судебного усмотрения в выявлении и защите процессуально-слабой стороны. Обосновывается вывод о необходимости формирования межотраслевого принципа защиты слабой стороны, который должен пронизывать как материальное, так и процессуальное право, включая сферу АРС.

В традиционный раздел «Иностранный гражданский процесс» включено исследование, подготовленное доктором юридических наук, сооснователем юридической фирмы *DBFLaw*, главным редактором Бразильского журнала по альтернативному разрешению споров (*RBADR*), соредактором Международного журнала по праву в меняющемся мире (*IILCW*), научным сотрудником Университета им. Али-

хана Бокейхана в Казахстане, ведущим автором и исследователем в области разрешения споров, членом Королевского института арбитров (*CIArb*), лицензированным юристом и бухгалтером в Бразилии Дániелом Брантесом Феррейра, на тему «Взаимодействие государственной юрисдикции и международного арбитража: роль Высшего суда правосудия Бразилии (*STJ*) в признании иностранных арбитражных решений». В статье исследуется роль Высшего суда правосудия Бразилии (*STJ*) в признании иностранных арбитражных решений, анализируются как применяемые правовые основания, так и эмпирические закономерности, влияющие на признание или отказ в признании. Для изучения этих вопросов в работе осуществляется системный анализ судебной практики на основе исследования, проведенного 9 декабря 2025 г., в ходе которого было выявлено 43 решения, в которых обсуждалось предполагаемое нарушение публичного порядка. Лишь в восьми решениях был дан полный или частичный отказ в признании, что составляет примерно 18,6% от числа дел, в которых данный аргумент поднимался.

Завершает раздел статья на тему «Вынесение арбитрами решения на согласованных условиях», подготовленная доктором юридических наук, профессором кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Еленой Васильевной Кудрявцевой. В статье рассматриваются вопросы, связанные с решениями на согласованных условиях. Договор об урегулировании спора, в том числе мировое соглашение, должен содержать условия о размерах и сроках исполнения сторонами своих обязательств, положения о распределении арбитражных и иных расходов, связанных с разрешением спора. Арбитражные правила или регламенты прямо приравнивают решение на согласованных условиях по его статусу и правовым последствиям к решению по существу спора. Это означает, что такое решение подпадает под режим признания и приведения в исполнение арбитражных решений, включая применение Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г.

Следующим в данном выпуске журнала выступает раздел «Будущее гражданского процесса», в котором опубликована работа под названием «Зачет в практике третейского разбирательства в Российской Федерации: проблемные вопросы», подготовленная кандидатом юридических наук, профессором кафедры международного частного права Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, заместителем Председателя Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей Михаилом Юрьевичем Савранским совместно с магистром права Российской школы частного права Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, правовым советником Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража Сергеем Дмитриевичем Ивановым. В статье раскрываются вопросы применения зачета при разрешении споров в третейском суде с учетом текущей практики российских судов; констатируется наличие ряда

пробелов в законодательном регулировании института третейского разбирательства, которые при определенных обстоятельствах влекут неисполнимость арбитражного решения; поднимаются вопросы применения в арбитраже института сальдирования, распределения бремени доказывания при зачете компенсаторных требований против долга из основного обязательства; анализируется возможность третейского суда самостоятельно произвести процессуальный зачет при удовлетворении основного и встречного требований. Авторы полагают, что вопрос о допустимости третейским судом процессуального зачета удовлетворенных требований по основному и встречному искам требует тщательного исследования, однако ответ на него зависит от конкретных обстоятельств, включая позиции сторон и применимые правила арбитража.

В традиционном разделе «Судебная власть и практика» представлено исследование доктора юридических наук, доцента, профессора кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарского государственного экономического университета, судьи Арбитражного суда г. Москвы Петра Петровича Ланга на тему «Процессуальные принципы-гарантии добровольности и осознанности судебного примирения в гражданском и арбитражном процессе». Статья посвящена комплексному теоретико-прикладному анализу процессуальных гарантий добровольности и осознанности как фундаментальных принципов института судебного примирения в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации. Цель исследования состоит в выявлении и оценке многоуровневой системы гарантий, обеспечивающих подлинную свободу воли и понимание последствий сторонами при урегулировании спора в рамках данной процедуры. Актуальность работы обусловлена недавним введением и активным внедрением в российскую правовую систему уникальной гибридной модели судебного примирения, сочетающей частнопроводимые начала и публично-правовой контроль, что требует научного осмысления ее эффективности и потенциальных рисков. Российский законодатель создал сбалансированную и структурированную систему гарантий, ключевыми элементами которой являются диспозитивные права сторон, активная информационно-разъяснительная роль судебного примирителя (судьи в отставке), строгий режим конфиденциальности и многоэтапный судебный контроль, что в целом соответствует задачам восстановительного правосудия и снижения нагрузки на суды.

Также в данном разделе представлена стенограмма, подготовленная по итогам прошедшего XII Симпозиума.

Завершает выпуск журнала традиционный раздел «*Personalia*», в котором отмечаются памятные события и даты, в этот раз это:

- 160 лет со дня рождения доктора юридических наук Е.В. Васьковского;
- 130 лет со дня рождения профессора М.А. Гурвича;
- 65-летний юбилей профессора В.В. Блажева.

Также редакция журнала «Вестник гражданского процесса» с прискорбием сообщает о смерти выдающегося ученого, юриста, мыслителя и педагога, профессора кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета и Университета управления «ТИСБИ», заслуженного деятеля науки Республики Татарстан, почетного работника сферы образования Российской Федерации Равии Фаритовны Степаненко и выражает искренние соболезнования ее родным, близким и коллегам.

*С наилучшими пожеланиями,
главный редактор
Дамир Валеев*

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (EX MEDITATIONE COLLECTA)

Т.В. САХНОВА,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса
Сибирского федерального университета

<https://doi.org/10.24031/2226-0781-2026-16-1-15-30>

Цивилистический процесс начала второй четверти XXI в. все более актуализирует в себе частноправовые, процедурные методы, в числе которых примирительные процедуры занимают одно из первых мест. Этой проблеме уделяется пристальное внимание – и доктриной, и, в известной степени, законодателем. Вместе с тем подходы зачастую остаются характерными для нормативистского понимания цивилистического процессуального права, преобладающего в прошлом веке, распространяемого и на несудебные примирительные процедуры. Полагаем, это не соответствует ни онтологическому развитию современного цивилистического процесса, его общим закономерностям, ни природе примирительных процедур. В статье отстаивается взгляд на примирительные процедуры как проявление частноправового метода процесса; несудебные примирительные процедуры рассматриваются как контекстуальное пространство цивилистического процесса, находящееся за пределами легального процедурного регулирования, но отражающего в себе «в снятом виде» процедурность как имманентное свойство цивилистического процесса. Несудебные примирительные процедуры вполне могут существовать как фактическое явление, не требующее законодательного установления регламента. В заключение статьи автор формулирует некоторые выводы о путях развития примирительных процедур, в частности что примирительные процедуры как контекстуальное пространство цивилистического процесса – общая идеология и методология, единственно эффективные, по мнению автора, de lege ferenda для любых примирительных процедур как обусловленные онтологией цивилистического процесса и выражающие общую парадигмальную закономерность его исторической эволюции.

Ключевые слова: процедурность цивилистического процесса; примирительные процедуры; частноправовой метод; контекстуальность процессуального закона; несудебные примирительные процедуры.

CONCILIATION PROCEDURES IN THE CONTEXT OF CIVIL PROCEDURE (EX MEDITATIONE COLLECTA)

T.V. SAKHNOVA,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head, Department of Civil Procedure,
Siberian Federal University

*Civil procedure of the beginning of the second quarter of the 21st century is increasingly actualizing private law and procedural methods, among which conciliation procedures occupy one of the first places. Close attention is being paid to this problem, both by the doctrine and, to a certain extent, by the legislator. At the same time, approaches often remain characteristic of the normative understanding of civil procedural law, which prevailed in the last century and extended to non-judicial conciliation procedures. We believe that this does not correspond to the ontological development of modern civil procedure, its general patterns, or the nature of conciliation procedures. The article defends the view of conciliation procedures as a manifestation of the private law method of the process; non-judicial conciliation procedures are considered as a contextual space of civil procedure, located outside the legal procedural regulation, but reflecting “in a filmed form” the procedural nature as an immanent property of civil procedure. Non-judicial conciliation procedures may well exist as an actual phenomenon that does not require legislative regulation. In conclusion, the author formulates some conclusions about the ways of development of conciliation procedures, in particular, that conciliation procedures as a contextual space of civil procedure are a common ideology and methodology, the only effective, in the author’s opinion, *de lege ferenda* for any conciliation procedures as conditioned by the ontology of civil procedure and expressing the general paradigmatic pattern of its historical evolution.*

Keywords: procedural character of civil procedure; conciliation procedures; private law method; contextuality of the procedural law; non-judicial conciliation procedures.

XXI в. открыл эру цивилизационных трансформаций в обществе и праве, которые с течением времени лишь набирают обороты, уже не ограничиваясь реформами существующего, а стремясь кардинально преобразить будущее.

И здесь, если смотреть на цивилистический процесс и цивилистическое процессуальное право «сверху» и в самом общем виде, можно констатировать два взаимоисключающих «течения»: (1) возвращение на спиралевидном витке развития к исторически родной парадигме цивилистического процесса, выражаемой формулой «*actio habere-ius habere*»; (2) стремление к методологическому ужесточению и усилению властного, публично-правового начала, устремленность к институциональности немецкого «*ius-actio*».

Первое наиболее ярко и вдохновенно было очевидно в начале XXI в. на национальном и межнациональном уровнях: в законодательном закреплении вектора процедурного развития процесса и ответственности суда за осуществление правосудия перед сторонами (ГПК РФ и АПК РФ 2002 г.); в стремлении к выработке практических путей гармонизации процессуального пространства через процедурность процесса как его внутреннего свойства и главного инструментария (работа группы Марселя Шторма по созданию единых процессуальных норм Евросоюза, попытка создания единого ГПК ЕС, принятие ряда процедурных регламентов); в актуализации в национальных правовых порядках – через опять-таки процедурность – несудебных форм и способов деюридизации споров (арбитраж – ритуальный и ирритуальный; развитие различных по онтологии и концепту примирительных процедур – судебных, несудебных, делегированных, смешанных). Апофеозом в этом направлении можно считать идею, имеющую французские корни, о процессуальном сотрудничестве суда и сторон как движущем начале цивилистического процесса, которая имеет выражение только в романском процессуальном законе (пока достаточно скромное).

Однако эпоха процессуального романтизма и общей устремленности к новому процессуальному будущему и *novum hominem processualis* (М. Шторм) продлилась недолго, а результаты столь многообещающих работ оказались обескураживающе скромны. О причинах мы ранее писали; не останавливаясь подробно, отметим еще раз: среди юридических первой назовем увлеченность формально понимаемой процедурностью и объективной невозможностью свести все онтологическое многообразие национальных процессуальных концептов к арифметической унификации норм. Одновременно стремительно ускоряющаяся усложненность общественных отношений и не успевающее за ними право «вытолкнули на поверхность» противоречия в межнациональной системе взаимодействий.

Эти глубинные процессы усилили дестабилизирующие факторы, в национальном праве также. Возникла потребность нивелировать их, приостановить или хотя бы смягчить возможные негативные последствия; попытаться сохранить известный баланс правовой системы. И самым быстрым и эффективным средством, лежащим на поверхности, оказался императив – как напрямую действующий и потому максимально действенный. Предоставлять приоритет заинтересованности и выбору стороны или тем более согласованному выбору сторон, соглашениям суда и сторон относительно определения процедуры и течения про-

цесса – бесспорно, более трудоемкий и обременительный путь, который, имея под собой исторические корни и выгоды *de lege ferenda* в деле создания нового процесса («Собора мечты», по образному выражению Марселя Шторма¹), для своей успешности требовал времени, кропотливой каждодневной работы, изменения, если угодно, ментальности, – а этого времени в кризисных условиях могло и не хватить.

Мы далеки от мысли, что современный законодатель и правоприменитель руководствуются подобными мотивами, но лишь пытаемся объяснить со своей точки зрения существующее положение дел.

И, конечно, такой диссонанс не мог не сказаться на понимании и развитии судебных процедур вообще, примирительных – судебных и несудебных – в частности. В беспокойные времена и при неустойчивом балансе ожидаемо искать опору в ставшем в обозримом недавнем привычным.

И первое из привычного, думаем, нужно искать в общей парадигме права и процесса, которая и предопределяет понимание примирительных процедур и их назначения – как (а) процедурного или (б) контекстуального развития процесса или как его (в) альтернативы. АРС как термин и как явление родились, как известно, в США, в ином – относительно континентального – по структуре, концепту и логике развития правовом поле, ином строении судебного процесса, не знаящем, в частности, процессуальной стадии *litiscontestatio*. Однако данное обстоятельство оставляется обычно без внимания.

Именно альтернативность и стала наиболее распространенным подходом, который применительно к континентальной модели с неизбежностью предполагает своей основой предметное и вторичное (по отношению к праву) понимание процесса и приоритета публично-правового в методах перед частноправовым.

Аксиоматично, что цивилистическое процессуальное право, создающее алгоритм судебной защиты, традиционно виделось как публичное по сути, как наиболее тесно связанное с государственным суверенитетом. Понимание правосудия носило – и носит, несмотря на изменившиеся реалии, – преимущественно нормативистский характер, хотя доктриной и отмечается порой его недостаточность. Определение и характеристика методов цивилистического процесса (за редкими исключениями) практически не изменились со второй половины XX в., а критерии дифференциации цивилистического процесса носят по большей части предметный характер, не связываемый с особенностями методов. Это было неудивительным в преобладающем в XX в. понимании значения, назначения, а в конечном счете – сущности цивилистического процесса, как если не производного, то «обслуживающего» материальное право, в чем отчетливо слышится пан-

¹ Правда, этот образ употреблялся им по отношению к созданию единого процессуального права Европы. См.: Storme M. A Single Civil Procedure for Europe: A Cathedral Builders' Dream // *Ritsumeikan Law Review*. 2005. No. 22. P. 87–100.

дектное эхо немецкой доктрины середины XIX в.¹ Частноправовое же в процессе если и признавалось, то обычно как предметное, но не методологическое. Это естественным, хотя и неназываемым, образом отражало – в разных ипостасях – укоренившуюся со времен пандектистов парадигму *ius-actio*. Именно в ее контексте примирительные процедуры могут быть определяемы как предметно альтернативные разрешению дела судом (хотя на самом деле они вполне могут существовать одновременно и наряду с судебным процессом). Это первое замечание.

Второе. Альтернативность примирительных процедур методологически видится следствием – осознанного или, что чаще, подсознательного – восприятия немецкой идеи институционального подхода к пониманию цивилистического процесса вообще и процессуальных примирительных процедур в частности.

Здесь требуется некоторое пояснение.

Введенные в свое время нами категории институционального и процедурного² характеризуют исторически сложившиеся различные по идеологии – но развившиеся внутри парадигмы *ius-actio* – типы континентального процесса: романский (французский) процедурный процесс и немецко-австрийский институциональный процесс, главные отличительные черты которых кроются именно в методологии и методах процесса, различном соотношении частного и публичного в праве вообще и процессуальном праве в частности. Истоки таких подходов отражали различные парадигмы философии права (правовой позитивизм и законодательный позитивизм, различное понимание взаимоотношений в системе «гражданин – государство») и в самом раннем историческом выражении означали: (1) приоритет правоформирующего выражения воли субъекта или (2) приоритет взаимосвязи субъектов права, социальный контекст³. Первое стало основой либеральной теории права и современного романского типа процесса, второе наиболее полно воплотилось в теории социального процесса Франца Кляйна и институциональном немецком типе процесса⁴. Соответствен-

¹ См. лишь некоторые примеры – о формах защиты и принудительного осуществления субъективных прав: Гурвич М.А. Право на иск / Гурвич М.А. Избранные труды. Т. I. Краснодар: Совет. Кубань, 2006. С. 40, 55, 70 и др.; Клейнман А.Ф. Некоторые теоретические вопросы учения об иске в советском гражданском процессе / Клейнман А.Ф. Избранные труды. Т. II. Краснодар: Совет. Кубань, 2009. С. 711 и сл., 719; Курылев С.В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск / Курылев С.В. Избранные труды. Краснодар: Совет. Кубань, 2010. С. 670, 714 и сл.

² См., например: Сахнова Т.В. О принципах цивилистического процесса (в контексте «европеизации» процессуального права) // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2011. № 7-8. СПб., 2011. С. 44–53; Сахнова Т.В. О современной парадигме цивилистического процесса // Teise. 2013. Vol. 87. Иногда категории институционального и процедурного применительно к видам примирительных процедур используются в публикациях без ссылок (например, В.С. Дегтярева, 2022), – возможно, наша квалификация на пути выхода «в народ».

³ См. об этом, например: Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1873 / Муромцев С.А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004.

⁴ Об этом у автора: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 312, 321 и др.

но выстраивалась и общая идеология процессуальных методов и методологии, ибо именно через методы находит выражение онтология цивилистического процесса вовне, в реалиях процедурного течения процесса.

Именно методы, как ранее нами отмечалось, предметны для сущности цивилистического процесса, понимаемого и как деятельность, и как система правоотношений, которые, в свою очередь, процедурны (в математическом понимании этого термина), поскольку имеют в своей первичной основе *предположения* о предмете и об объекте процесса заинтересованного лица.

Некоторое пояснение *per viam*: метод *процедурных рассуждений* (но не логического доказательства, основанного на концептуальном знании) приемлем и актуален для решения юридических задач при изначально вероятных и предполагаемых условиях и переменном характере величин, а судебный процесс таковым и является¹. Вся процессуальная деятельность, в первую очередь познавательная, осуществляется в условиях изначальной неопределенности. Иными словами, реальный судебный процесс развивается в логике *трансцендентального конструктивизма*², которая постулирует необходимость соотнесения (проверки) вводимых в процесс посредством *процедурного рассуждения* «малых знаний» (в виде утверждений сторон о фактах и правоотношениях; в виде информации, претендующей на статус судебного доказательства) с познавательными действиями, выстраиванием мысленных гипотез, их подтверждением или опровержением. Сущность трансцендентального метода и заключается в том, «что он выставляет «гипотезу», т.е. ту или иную чисто смысловую конструкцию, с точки зрения которой рассматривается тот или иной алогический материал, причем эта «гипотеза» является смысловым условием его возможности»³. Трансцендентальное, хотя и предшествует (по Канту⁴) опыту, предназначено лишь для того, чтобы сделать возможным опытное знание. Это, собственно говоря, и лежит в истоках процедурного рассуждения как метода.

В парадигме *процедурных рассуждений* не может иметь места альтернативность примирительных процедур, поскольку и процесс, и процедура в реальном времени творимы методами, что и позволяет определить их процедурную предметность, – но не заранее известным концептуальным знанием. В юриди-

¹ Об этом: Роголев А.Н., Сахнова Т.В. Информационные системы и процедурные решения для некоторых задач гражданского процесса // Teise. 2007. Vol. 63. С. 160–171.

² Об этом см., например: Катречко С.А. Моделирование рассуждений в математике: трансцендентальный подход // РАЦИО.ru. 2009. № 1. С. 75–102.

³ Там же. С. 76–77.

⁴ См.: Кант И. Критика чистого разума. [I. Трансцендентальное учение о началах]. М.: Академический проект, 2020. По мнению И. Канта, главный принцип трансцендентальной дедукции (а только она справедлива для юриспруденции) состоит в том, что «априорные понятия следует признать априорными условиями возможности опыта (будь то возможности созерцания, встречающегося в опыте, или возможности мышления)» (Там же. С. 93).

ческой ипостаси это коррелирует парадигме *actio-ius*. Однако, как было замечено выше, XX в. в праве был подчинен ее противоположности – *ius-actio*, хотя и в различных концептах, в различном соотношении частноправовых и публично-правовых начал в процессе.

Частноправовое и процедурное возобладали в логике цивилистического процесса Франции, публично-правовое и институциональное – в Германии. Заметим, что, на наш взгляд, французское процедурное развитие цивилистического процесса объективно знаменовало начало переходного этапа к парадигме *actio-ius*, демонстрируя значимость частноправового метода и волю сторон на выбор процедуры, стремление к развитию процессуальных соглашений сторон и суда как преобладающего *de lege ferenda* для процесса метода¹. Это знаковое событие должным образом доктриной оценено не было.

Судебные процедуры вообще, включая примирительные и согласительные, будучи реальным воплощением методов в судебном процессе, ведущемся «здесь и сейчас», столь же естественно воспринимают на себя онтологические особенности общего концепта цивилистического процесса. Процессуальные процедуры Франции процедурны, а Германии – институциональны. Но и несудебные, и непроцессуальные (медиация, судебное примирение в Германии и в России с 2019 г.), и квази-процессуальные (делегированные во Франции) примирительные процедуры испытывают на себе ореол национального концепта процессуального закона.

Подчеркнем: предметность процедур в цивилистическом процессе – не в предмете, а в методе и обусловлена методологией взаимодействия сторон; судебные процедуры (не только примирительные – любые) суть способ корреляции частного и публичного в методах судебной защиты².

Россия как страна континентальной традиции в законодательном концепте следовала общей парадигмальной закономерности в XX в. и, преимущественно, также в веке XXI. Подвижки были обозначены процедурным вектором процессуальных кодексов и последующими реформами процедурного характера,

¹ См., например: Cadet L. Conciliation in France: A Cross Between Tradition and Modernity // The Recent Tendencies of Development in Civil Procedure Law – Between East and West: Intern. Conf. to Celebrate the 100th Anniversary of the Birth of Prof. Jonas Zeruolis. Vilnius, 2007. P. 56; Кадые Л. Соглашения относительно процесса во французском праве (о контрактализации разрешения споров) // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6. СПб., 2008. С. 167–182; Pataut E., Bollée S., Cadet L., Jeuland E. Les nouvelles formes de coordination des justices étatiques. Paris: IRJS, 2013.

Лоик Кадые на протяжении всего научного творчества отстаивает идею кооперативного процесса (на основе соглашений суда и сторон) как наиболее перспективную для будущего цивилистического процесса.

² Тезис, издавна отстаиваемый автором. См., например: Сахнова Т.В. Право на судебную защиту и процессуальный механизм ее реализации // Teise l teismine gynyba ir jos realizavimo praktiniai aspektai: Международ. научно-практ. конф., 14-15.08.2006. Вильнюс: Mykolo Romerio universitetas, sudarytojas, 2006. С. 449 и пред.

направленными на их унификацию; некоторым, хотя и не лишенным противоречий, развитием судебных процедур, введением в орбиту процессуального закона примирительных процедур.

Однако, как ни покажется парадоксальным, осмысление этих явлений оставалось по-прежнему и как правило в русле парадигмы *ius-actio*; более того, явно обозначилось стремление к их нормативной заурегулированности публично-правовыми методами, что в последние годы стало очевидным. Впрочем, повод к этому дал и сам законодатель – гл. 14.1 ГПК РФ и гл. 15 АПК РФ не содержат в себе самостоятельного концепта, который бы соотносился с общим концептом процессуального кодекса, о чем нам ранее доводилось уже писать. Естественно, что в России проблемы примирительных процедур осмысливались преимущественно в заданном законодателем контексте и «в теле» процессуального закона.

Институциональный подход к примирительным процедурам усиливает аргументы *pro* в их квалификации как альтернативного судебному процессу явления.

Одновременно закрепляемые процессуальным законом примирительные процедуры отечественный законодатель выносит за скобки процессуальных и судебных (ср.: гл. 14.1 ГПК РФ и гл. 15 АПК РФ с одинаковым названием – «Примирительные процедуры. Мировое соглашение»); при этом мировое соглашение отступает от концепта судебной процессуальной процедуры прямым включением в содержание материально-правовых элементов, присущих гражданско-правовой сделке. Примирительные процедуры, понимаемые как исключительно несудебные и непроцессуальные, концептуально разрываются с мировым соглашением, которое, по нашему убеждению, – и об этом свидетельствует историческая логика его развития, – является судебной процессуальной процедурой. Последствия такого ничем не объяснимого «разворота» вредоносны для процесса в целом – в первую очередь для определенности судебного акта, оканчивающего процесс, преюдициальности, вопросов о тождественности иска и процесса. В регулирование мирового соглашения вводятся материально-правовые методы и одновременно *de facto* постулируется институциональность несудебных примирительных процедур, процедурно никак с процессом не связанных. Одна из них – судебное примирение – откровенно следует немецкому опыту (*Güterichter* в Германии).

Правда, чуть позже постановлением Пленума ВС РФ от 31 октября 2019 г. № 41 утверждается Регламент проведения судебного примирения¹, который непостижимым образом приблизил процедуру судебного примирения к французской делегированной процедуре², прописав ее именно в процедурной (не институциональной) манере, что, впрочем, не изменило общего институционального видения. Столь радикальный поворот в сторону делегированных примирительных проце-

¹ Бюлетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

² Об этом см.: Сахнова Т.В. Судебное примирение: превращение в бабочку? (К вопросу о делегированной процедуре в России) // Правовые институты России и Франции / отв. ред. В.В. Зайцев, О.В. Зайцев. М.: Статут, 2022.

дур можно было бы приветствовать, что, бесспорно, требует узаконения в процессуальных кодексах. Впрочем, одно это не дало бы должного эффекта.

На наш взгляд, важно, наконец, определиться с общим концептом примирительных процедур в системе процессуального закона, их возможными видами (судебными и процессуальными, несудебными и непроцессуальными, делегированными, смешанными¹), а законодательное регулирование предлагать в соотношении с преимущественными методами цивилистического процесса.

Главным здесь мы полагаем отказ от предметного понимания примирительных процедур как альтернативных судебному процессу. Они, с одной стороны, не могут быть выносимы «за скобки» процессуального (примирительными могут быть и судебные процедуры; классика – мировое соглашение), с другой – несудебные процедуры не должны быть законодательно подчинены в той или иной форме процессу. Обязательная или досудебная медиация, иная обязательная несудебная примирительная процедура – нонсенс, противоречащий сути таких процедур. К сожалению, и высшая судебная инстанция, и доктрина увлечены в последние годы противоположным.

Вполне последовательна позиция ВС РФ, который предлагает публично-правовые и дискреционные критерии применения примирительных процедур (введение обязательной медиации; наделение суда правом направлять лиц, участвующих в деле, на обязательное прохождение процедуры медиации; регламентация досудебной медиации как условия реализации права на обращение в суд), апеллируя к ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 192-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», на что прямо ссылается ВС РФ в постановлении Пленума от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»². В этом же направлении проблемы примирительных процедур обсуждаются в доктрине³. Малая эффективность несудебных примирительных процедур, на что сетовал

¹ Это могут быть: (а) судебные, но непроцессуальные процедуры, как, например, возможность заключения мирового соглашения после введения судом процедур наблюдения, санации (по делам о банкротстве) или предоставление супругам после возбуждения в суде дела о расторжении брака срока для примирения до трех месяцев по ч. 2 ст. 22 СК РФ; (б) «материально-процессуальные», к которым предметно близко французское мировое соглашение, которое, в частности, может быть оспариваемо иском по основаниям признания сделки с пороком воли недействительной (у автора об этом, например: Сахнова Т.В. Процедуры в цивилистическом процессе (nota bene к будущему) // Teise. 2009. Vol. 71. P. 31 ff).

² Российская газета. 2021. 2 июля. № 144.

³ См., например: Банников Р.Ю. О соотношении медиации и досудебного порядка урегулирования споров // Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 175–185; Фильченко Д.Г., Евтухович Е.А. К вопросу о понятии и содержании «иного порядка досудебного урегулирования споров, установленного договором» // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 4. С. 282–298; Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М.: Статут, 2023 (§ 5 гл. 2; § 2 гл. 3).

в свое время ВС РФ и что многожды обсуждалось доктриной, вряд ли преодолена бо́льшей заурегулированностью их законом. Нельзя понудить к примирению, но можно отпугнуть стороны от попытки использовать его, дабы не быть обвиненными судом в пресловутом «злоупотреблении правом», если успех примирения не случится.

Кстати, практикующие примирители (необязательно юристы по образованию), участвующие в проведении различных несудебных примирительных процедур в разных областях (но для достижения юридически значимых целей), зачастую высказываются против закрепления в законе обязательности той или иной несудебной примирительной процедуры и ее детального регламента, поскольку это вредит использованию процедуры по назначению, действительному (не формальному) достижению примирительных целей. По нашему мнению, законодательная регламентация лишь обременит дополнительным условием реализацию права на судебную защиту, но не будет способствовать ни повышению эффективности самой примирительной процедуры¹, ни эффективности судебной защиты. Чем более мы будем стремиться заурегулировать примирительную процедуру, тем менее достижимы будут ее истинные цели. Идея досудебной примирительной процедуры противоречит ее духу; нельзя примирительные несудебные процедуры «загонять» в прокрустово ложе нормы закона. Несудебные примирительные процедуры вообще, на наш взгляд, не нуждаются в нормативной регламентации – достаточно общего легального предположения их возможности (подобный опыт – «примирительные процедуры в силу практики» – есть во Франции). Понуждение к примирительной процедуре несовместимо с сущностью данного правового явления. Методология несудебных примирительных процедур – безусловно частноправовая, строящаяся на взаимном волеизъявлении сторон.

По нашему убеждению, альтернативное и институциональное в понимании примирительных процедур не могут составить эффективного концепта на будущее и не соответствуют онтологическим истокам цивилистического процесса и его современному развитию в направлении парадигмы *actio-ius*. Движение это началось, и, несмотря на известные противоречия и сложности, вызванные цивилизационными потрясениями, на некоторые «регрессные витки», оно будет продолжаться – как объективно обусловленное внутренними историческими закономерностями цивилистического процесса. Конечно, – и история законодательного развития процесса в разных странах (России также) показывала это не раз, – возможны попытки «отхода» от генерального течения, но, так или иначе, раньше или позже, глубинное пробивало себе дорогу. Может быть, лучшим методом здесь было бы осознание этих закономерностей и действие в их русле.

¹ Это находит признание в том числе и среди европейских приверженцев *ADR* – например, в приводимых возражениях относительно обязательности итальянской внесудебной медиации. См.: Сильвестри Э. Альтернативное разрешение споров в странах Европейского союза: обзор // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 166–179.

Итак, некоторые выводы о путях развития примирительных процедур.

1. В современном законодательном алгоритме наиболее естественным представляется *процедурный метод*, что предполагает (а) их дифференциацию по методу и (б) возможность как различной процедурной взаимосвязи с судебным процессом, так и самостоятельное, не связанное с ним, бытие. Первое предполагает процессуальное регулирование, второе не требует его. Далее, исчерпанность сторонами несудебного примирения без достижения цели примирения не только не препятствует судебному процессу, но предполагает его, а при последующем рассмотрении дела в суде допускает возможность обращения как к судебной примирительной процедуре (мировому соглашению), так и к несудебной примирительной процедуре (при наличии на то волеизъявления сторон). Суд может при наличии к тому обстоятельств обращать внимание сторон на возможность использования несудебной или делегированной примирительной процедуры, но не вправе обязывать стороны к ее проведению.

Главный акцент с точки зрения процессуального регулирования – возможность процедурного взаимодействия судебных и несудебных делегированных процедур, их взаимного «перетекания», сосуществования в одном пространстве.

Такое процедурное видение соответствует концепту действующего процессуального закона и одновременно общей парадигмальной закономерности развития цивилистического процесса (в направлении *actio-ius*).

2. Несудебные примирительные процедуры законодательного и формализованного регламента не требуют. Их течение может испытывать на себе «орельное» влияние процедурности процесса – как «обратного» воздействия на общественные отношения, но не нормативного, а фактического, за пределами процессуального закона.

Это и есть одно из наиболее ярких проявлений *контекстуальности* процессуального закона (в понимании Мауро Каппеллетти¹), которое полагаем главным в развитии несудебных процедур вообще и примирительных в частности.

Контекстуальность – не синоним ранее провозглашавшейся идее многомерности процедур, хотя бы и несудебных. Многомерность процедур рассмотрения спора, деюридизация спора и даже судебных функций (как полагает, например, Алан Уцелак²) назывались важными направлениями трансформации цивилистического процесса, однако без акцентуации методов, которые вовсе не очевидны и могут носить диаметрально противоположный друг другу характер.

¹ Что никоим образом не означает «размывания» закона и судебной власти, но судебная власть, по суждению М. Каппеллетти, должна быть процедурно ограничена, а суд до тех пор выполняет свои функции, пока не выйдет за пределы дела. См.: *Cappelletti M. Giudici legislatori?* Milano: A. Giuffrè, 1984; *Cappelletti M. Le pouvoir des juges: articles choisis de droit judiciaire et constitutionne compare*. Paris: Presses universitaires d'Aix-Marseille, 1990. О развитии его взглядов см., например: *Cartabia M. Mauro Cappelletti: One of the "Precious Few" of Our Generation* // *International Journal of Constitutional Law*. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 464–473.

² Его взгляд наиболее полно изложен в книге: *Transformation of Civil Justice: Unity and Diversity* / Ed. by A. Uzelac, C.H. van Rhee. Cham: Springer, 2018.

Контекстуальность процессуального закона как идея означает: (1) отказ от нормативистского подхода к праву; *ius* и *lex* суть не синонимы, последнее есть выражение первого, но право не сводимо к норме закона; (2) влияние права на общественные отношения не сводимо также только к регулирующей функции. Контекстуальное пространство цивилистического процесса лежит за пределами непосредственного регулирующего воздействия процессуального права на общественные отношения. Процедурность процесса, рассматриваемая как его имманентное, внутреннее достояние, есть одновременно то, что было почерпнуто когда-то римлянами из социального обихода, что выражает направленность и содержание человеческой деятельности. Контекст закона суть ненормативное, обратное влияние на исходную методологическую составляющую взаимодействия людей в социуме, которое *a priori* реализуемо только частноправовым методом, основанным на согласовании воли действующих субъектов. И это структурирующее воздействие права, которое не является правовым, трудно переоценить. Это тот новый «универсум закона», который в свое время отыскивал Мауро Каппеллетти.

Естественно, и судебные процессуальные процедуры, и судебные непроцессуальные процедуры, а также и делегированные процедуры, бесспорно, имеют процедурное контекстуальное значение, которое сопровождает их, как эффект «эха», тогда как для несудебных и непроцессуальных, фактических примирительных процедур контекстуальность является главным условием и способом их существования вовне.

Примирительные процедуры как контекстуальное пространство цивилистического процесса – общая идеология и методология, единственно эффективные, по нашему мнению, *de lege ferenda* для любых примирительных процедур как обусловленные онтологией цивилистического процесса и выражающие общую парадигмальную закономерность его исторической эволюции.

И это – глобальное знамение. Не частности цивилистического процесса, не отдельные изменения его методов и даже не иное видение преимущественных принципов цивилистического процесса и действенность процедурности процесса за пределами процессуального закона, но более грандиозное открывается взору.

Торжествующая *actio-ius*, одетая в праздничную римскую тогу, сама себе творит путь, не нуждаясь ни в чьем соизволении.

Список использованной литературы

Банников Р.Ю. О соотношении медиации и досудебного порядка урегулирования споров // Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 175–185.

Гурвич М.А. Избранные труды. Т. I. Краснодар: Совет. Кубань, 2006. 668 с.